

А.В. Борисова. О МОЕМ ДЕДЕ **(биография С.В. Малышева, составленная его внучкой)**

Предисловие к публикации

Сергей Владимирович Малышев (1922–1929) – советский государственный деятель, председатель Технической комиссии по восстановлению Нижегородской ярмарки, которая под его руководством пережила свое возрождение в 1922 году и девять лет функционировала в качестве главной ярмарки СССР до момента окончательной ликвидации в 1930 году.

В фонде редкой книги Центральной городской библиотеки им. В.И. Ленина Нижнего Новгорода хранится машинописный текст воспоминаний его внучки – москвички Анны Владимировны Борисовой. К сожалению, не сохранилось ни воспоминаний, ни письменных свидетельств того, как и при каких обстоятельствах этот документ попал в библиотеку. Воспоминания невелики по объему – в рукописи девять страниц, но в них вместились вся жизнь этого незаурядного человека, оставившего яркий след и в отечественной истории, и в культуре в качестве журналиста и писателя. Ценными являются и сведения о ближайших родственниках Сергея Васильевича – его родителей, жене, дочери.

Текст приводится в авторской редакции с небольшой корректорской правкой.

*Т.В. Кучерова, ведущий библиотекарь отдела методической работы
ЦРБ им. Б. Панина, действительный член общества «Нижегородский краевед».*

Анна Владимировна Борисова

О МОЕМ ДЕДЕ

Имя «первого красного купца» Сергея Васильевича Малышева, одного из лидеров хозяйственного возрождения страны в 1920-е годы, прогремело когда-то не только на всю Россию, но стало известно за рубежом. Сейчас его имя почти что забыто, хотя жизнь Малышева настолько богата интересными событиями, что можно было бы написать роман, который увлек бы даже самого взыскательного читателя. Сам по себе человек незаурядный, хотя и простого происхождения, он мог тонко и точно понимать психологию крестьянина, торговца, ремесленника, а его умение торговать могло бы и сейчас послужить хорошим уроком. Но, прежде всего, это на редкость живой и разносторонний человек, и задача этого очерка – опираясь на факты его биографии, воссоздать его облик, исполненный огромной жизненной силы.

С.В. Малышев родился в 1877 году в селе Воскресенском Угличского района в крестьянской семье. Его красавица-мать умерла от побоев пьяного мужа, когда Сергею не было и двух лет. В семье существует легенда о том, что настоящим отцом ребенка был вовсе не Василий Малышев, а местный помещик, фамилию которого, однако, никто никогда не упоминал. Возможно, это было правдой, и за этот грех пострадала несчастная женщина. Сергея воспитала бабушка, мать отца, добрая, но замученная жизнью женщина, которую он с любовью описывает в своих рассказах. Вероятно, неплохим человеком был и отец Сергея, но тяжелая, беспросветная деревенская жизнь сделала его мрачным и пьющим. Однако сохранились у Сергея и хорошие воспоминания детства. Они относятся, прежде всего, к его первой учительнице, научившей его грамоте и пробудившей к новой светлой жизни его юную душу.

Когда Сергею исполнилось одиннадцать лет, семья решила отправить его на заработки в Питер. Мне трудно себе представить, что одиннадцатилетнего мальчика можно было отпустить одного так далеко. Долгим и трудным был его путь в столицу. По дороге у него украли все деньги, он не мог купить себе билета на поезд, так что всю дорогу его преследовали кондукторы, били жандармы. Обо всем этом он расскажет в своей первой автобиогра-

фической повести «К свету», написанной в Ангарской ссылке¹. И дело вовсе не в литературных достоинствах его первой книги, их немного, а в том, что ее написал человек, не имевший в то время ни достаточного образования, ни культуры.

Малышев еще в детстве мечтал стать писателем. Этим отчасти и объясняется его дружба с Горьким. В начале их знакомства Алексея Максимовича заинтересовал молодой рабочий-большевик, захваченный страстью сочинительства. Признанный мэтр немало помогал Малышеву в его литературных начинаниях. Впоследствии их связала теплая и нежная дружба. В статье «О писателях-самоучках» М. Горький, полностью приводя малышевское стихотворение в прозе «Родному слову», сопроводил его таким комментарием: «Вспомните, читатель, ведь это написано человеком, отец которого был крепостной раб, а сам он лишь десятью годами опоздал в рабство. Понять значение языка – это много, это радует». В одном из писем, отправленных Горьким Малышеву в ссылку, есть такие слова: «Вот теперь Вам надо писать, сударь, Вам есть о чем говорить. Научитесь говорить». Всего сохранилось более 20 писем Горького к Малышеву.

Итак, одиннадцатилетний мальчик шел в Питер, где в одном из купеческих лабазов торговал его дядя. Но Сергей, проработав несколько лет сначала «мальчиком» в мучном лабазе купца Седова, потом разносчиком в посудной лавке, тестомесом в пекарне, понимает, что эта жизнь не для него. Путь накопительства, обмана и унижительного «чего изволите» с постоянным ощущением рабства категорически отвергается подростком. Не о такой жизни он мечтал долгими зимними вечерами, не о такой жизни рассказывала его любимая учительница. Малышев поступает работать на знаменитый Обуховский завод и почти сразу становится активным участником революционных кружков, одновременно участь в воскресной заводской школе. В 1901 году он уже не только участник, но и один из руководителей известной «обуховской обороны». Вслед за этим последовало первое тюремное заключение в «Крестах». В дальнейшем Малышев, ведя партийную работу в различных городах, неоднократно арестовывался, сидел в тюрьмах. Очень быстро становился он профессиональным революционером.

Во время революции 1905 года он находится в Костроме, где избирается председателем первого Совета рабочих депутатов. С 1906 по 1908 год – член Петербургского комитета РСДРП, организатор и руководитель Совета безработных, редактор журнала «Тернии труда». «Прежде всего, Совет безработных организовал материальную помощь и дал работу тысячам безработных, по существу спас их от голодной смерти...», – спустя четверть века писал Малышев о роли создания Совета безработных в те годы.

Передо мной лежит маленькая книжка – «Боевые странички 1905 года о событиях «Кровавого воскресенья». Несколько страниц посвящены моей бабушке Клавдии Павловне Кадобновой. Тридцать два года она была верной подругой и женой Сергею Васильевичу, слишком часто судьба разбрасывала их в разные стороны, по многу месяцев они не встречались, но нежно любили друг друга всю совместно прожитую жизнь.

Они познакомились в 1905 году в Петербурге. В один из дней молодой революционер-подпольщик Малышев пришел на конспиративную явку, которая находилась в шестом бараке детской больницы на Выборгской стороне, где Клавдия Павловна работала фельдшерницей. В ее комнатах, где собирались подпольщики, хранились большевистский архив, подпольная литература, а также гектограф, на котором печатались прокламации.

Из-за того, что барак считался инфекционным, заседания удавалось проводить без особого риска. В этом же помещении собиралась и меньшевистская группа, но она вскоре была целиком арестована.

Родилась Клавдия Кадобнова в 1876 году в Череповце в купеческой семье. По окончании гимназии она пять лет проработала сельской учительницей. В 1900 году поступила в

¹Первое издание см.: *Малышев, С.В.* К свету: повесть. – Петроград: Пролеткульт, 1918. – 52 с. (здесь и далее прим. публикатора).

Санкт-Петербургский женский медицинский институт². Здесь впервые познакомилась с революционным движением и помимо учебы занималась революционной работой. В 1903 году за участие в забастовках была исключена из института без права поступления в какое-либо высшее учебное заведение. Но по случаю рождения наследника престола была восстановлена. Вскоре она вновь очутилась вне стен института, так как он был надолго закрыт. Тогда она стала работать в детской больнице, где и познакомилась с Малышевым.

В 1906 году они поженились, а в 1909 году у них родилась дочь – Нина Сергеевна Малышева, моя мама. Через несколько лет Клавдия Павловна сумела все-таки окончить медицинский институт, и была назначена земским врачом в Опеченский посад Боровицкого уезда Новгородской губернии. В начале 1909 года по совету врачей она увезла туда и своего мужа, только что освобожденного из тюрьмы, – больного, с тяжелым нервным расстройством. Проработала Клавдия Павловна в земской больнице до февраля 1917 года.

Сергей Васильевич же, пробыв там всего несколько месяцев, вновь вернулся к революционной работе. Виделись они редко. Мама рассказывала, что когда ей было четыре года, отца только что выпустили из тюрьмы, и он написал им, что хотел бы повидать их обеих. Они «сорвались» в Питер. Дорога была очень сложной, с пересадками. Наконец добрались до места и к ночи попали в указанную отцом квартиру. Комната была пуста, на кровати одиноко сидела обещанная ей кукла. Отец снова был арестован.

Февраль 1917 года Клавдия Кадобнова встретила в тех же Боровичах, где работала уже врачом в лазарете Совета городов. Туда к ним приехал из ссылки Малышев и возглавил совет рабочих депутатов. Однако в июне 1917 года Совет был разгромлен. Выступления Малышева против войны вызвали бурю возмущения со стороны «черной сотни», и группа, состоящая из представителей мелкой буржуазии, лавочников, полицейских и жандармов, поймала его на мосту, обвинив в том, что он немецкий шпион. Они решили бросить его в реку и уже привязали камень на шею, но один из представителей «черной сотни» предложил упрятать Малышева в тюрьму. Его послушались: не захотели брать грех на душу, и это спасло Сергею Васильевичу жизнь. Освободила Малышева из тюрьмы женщина-комиссар со своим взводом красногвардейцев, после этого инцидента Сергей Васильевич вновь уезжает в Питер, где принимает участие в Октябрьской революции.

Сколько было таких ситуаций в жизни революционера, когда он находился на волосок от смерти, но оставался жить... Поистине, «рожденный в рубашке».

Но вернемся на несколько лет назад, в предреволюционные годы и упомянем лишь некоторые факты из его биографии. В 1911 году работал среди портовых рабочих Одессы, вместе с В.В. Воровским организовал газеты «Черноморский портовый вестник» и «Черноморец». Был одним из руководителей моряков, за что был арестован и сослан в Вологодскую губернию. Когда закончился срок ссылки, С.В. Малышев возвратился в Петербург и с конца 1913 года являлся ответственным секретарем газеты «Правда».

После разгрома «Правды» и ареста всей редакции 9 июля 1914 года он был выслан в Ангарский край, где отбывал срок ссылки вплоть до 1917 года. Жизнь в ссылке проходила в неустанной умственной работе. Малышев много читал, писал, продолжал заниматься самообразованием, но и там он почувствовал на себе дыхание смерти... В одну из темных глухих ночей Малышев проснулся от резкой боли внизу живота. Это был приступ гнойного аппендицита, и нужна была срочная операция, а врач, вернее, даже не врач, а полуграмотный фельдшер, находился в нескольких сотнях верст от их затерянной в тайге деревни. Малышев понял, что жить ему осталось недолго. Он написал жене прощальное письмо и отправил ей свои рукописи. Спасение пришло неожиданно-негаданно – Малышев получил предписание о переводе его из этого забытого богом места в Красноярск. В бессознательном состоянии его доставили прямо в больницу. Еще несколько минут, и было бы поздно, по словам хирурга, делавшего ему операцию. А спасла ему жизнь его жена – К.П. Кадобнова.

² Согласно архивным документам, это произошло несколько раньше – см. ЦГИА СПб. Ф. 436. Оп. 1. Д. 66. – Матрикулы слушательниц приема 1898 и 1899 гг.

А дело было так: недалеко от шереховической земской больницы, которой она заведовала, находилось имение И.Г. Горемыкина, назначенного в 1914 году председателем Совета министров России. Было ему 75 лет, и он мучился сильными головными болями. За помощью он обратился к Кадобновой, и ее лечение помогло. Он предложил удовлетворить любую ее просьбу. Просьба была одна – спасти мужа, погибающего в Сибири от аппендицита. Результат не замедлил себя ждать – через несколько дней Малышев уже был в Красноярске.

Сразу же после Октябрьских событий жена и дочь Малышева переехали в Питер, куда Клавдия Павловна была вызвана для проведения осмотра рабочих Охтинских заводов. Бабушка была не только прекрасным врачом, но умным и очень скромным человеком. Она не отказывалась ни от каких партийных поручений, хотя в то же время у нее не было и мысли о вступлении в партию. Луначарский предложил ей стать наркомом здравоохранения, но для этого необходимо было вступить в партию. Она отказалась. Еще два штриха к ее биографическому портрету. По роду своей работы Малышев должен был принимать делегации, устраивать приемы, на которых присутствие хозяйки-жены было обязательным. Клавдия Павловна отказалась от этой роли, и «на этом посту» ее пришлось заменить дочери. Одевалась Клавдия Павловна исключительно в черную юбку и белую блузку, другой одежды у нее просто не было. Семья дедушки по своему положению имела право пользоваться распределителем, где одевались члены правительства и их семьи. Она была там всего один раз, ушла оттуда с пустыми руками и, как дедушка ни уговаривал, больше там не появлялась.

Но вернемся к Сергею Малышеву. После Октября он был назначен комиссаром по конфликтным делам в Наркомате труда, в 1918–1919 годах – уполномоченным Наркомпрода в Сибири, а затем в Поволжье.

Вспомним то далекое, суровое время. Страна медленно умирает от голода. Нормы выдачи хлеба рабочим фабрик и заводов упали до 50 грамм. Как вырвать страну из этого бедственного положения? Весной 1918 года Малышев выступил с предложением организовать продовольственную экспедицию в Поволжье, в места, богатые хлебом. Ленин одобрил это предложение, и Малышев вывез из Петрограда несколько эшелонов с товарами, необходимыми в крестьянском хозяйстве. Неподалеку от Саратова, на прибрежной станции Увек, товар перегрузили на баржу, которая превратилась в плавучий магазин, и буксир потащил ее вверх по Волге. Как и предлагал Малышев, торговля, вернее, обмен промышленных товаров на зерно, шел очень бойко. В первые же два дня было закуплено 42 тыс. пудов хлеба. Эшелон за эшелоном посылал Сергей Васильевич голодающим рабочим Москвы и Петрограда.

В семейном архиве Малышевых сохранились фотографии этой баржи под названием «Иван Тупицын», участников экспедиции и самого Сергея Васильевича, стоящего за прилавком. Секретарем, или «конторщиком», как он сам себя называл, в волжской экспедиции был Исаак Бабель, в то время начинающий писатель. Об этой экспедиции написан один из рассказов Бабеля – «Иван-да-Марья»³.

Буксир «Иван Тупицын»

³ Текст доступен по ссылке: <https://www.liveinternet.ru/users/5532311/post357430013/>.

Кроме магазина на барже был оборудован медицинский пункт оказания помощи местному населению и членам команды. Пунктом стала заведовать Клавдия Кадобнова. Взяли в экспедицию и дочь – десятилетнюю Нину. Наконец-то семья была вместе. Работа экспедиции проходила в тяжелых условиях. Со всех сторон шли бои с войсками Дутова и Деникина, чешским корпусом, врангелевцами. На барже были установлены два пулемета, и каждому сотруднику было выдано по винтовке с патронами. Но, к счастью, до боевых действий дело не дошло.

Несмотря на очевидный успех этого предприятия, как всегда, оказалось много недоброжелателей, тех, кто скептически относился и к этой экспедиции, и к подобному товарообмену, и к свободным установкам цен. Но Малышев был твердо уверен в своей правоте. В письме к Ленину он писал: «Мне бы очень хотелось организовать такие же лавки для Камы и Белой, где крестьяне после белогвардейцев убедились бы, так же, как и на Волге, что Советская власть делает для них все, что может. Лавки-баржи были и в политическом отношении очень полезны».

Организовать баржи-лавки для Камы и Белой Сергею Васильевичу уже не пришлось. В том же 1919 году, по просьбе командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе и по указанию Ленина, Малышева направляют в Среднюю Азию «для создания при Реввоенсовете Туркестанского фронта торгового и культурно-просветительского каравана». Его семья опять едет с ним.

Туркестанский фронт, которым командовал Фрунзе, был создан еще в августе 1919 года из южной группировки Красной армии. Перед Фрунзе стояла задача ликвидировать южную армию Колчака, которая включала в себя остатки армейских групп генерала Белова и атамана Дутова, а также восстановить связи Советской России с Туркестаном. Фрунзе вызвал Малышева не только торговать, но и вести культурно-просветительскую работу – читать лекции, показывать фильмы. Но приходилось еще и воевать.

Дочь Сергея Васильевича вспоминала о времени, проведенном в Туркестане, как об одном из самых ярких периодов ее жизни. Вот отрывок из ее воспоминаний: «В десятилетнем возрасте я находилась с родителями в Туркестане, в городе Туркуле. Этот город надо было защищать от басмачей, которыми руководила военная английская интервенция. У отца, в то время члена Реввоенсовета Турк[естанского] фронта, в распоряжении был небольшой отряд красногвардейцев. Силы были неравные, и городу угрожала расправа над жителями, среди которых было много русских. В те времена, даже среди детей, трусость считалась самым большим пороком. Отцу смерть от басмаческой пули угрожала из-за каждого угла. Как и многие революционеры, чувство страха за себя он не испытывал. Какую-то часть напавших на город басмачей красноармейскому отряду удалось взять в плен. Сразу же после этого отца вызвали в Ташкент, и он только с одним ординарцем пустился в путь, 400 километров по пустыне. Так как мы не получали никаких известий от него в течение года, то считали его погибшим. За его голову басмачи назначили большую награду. Все мое детство прошло в страхе потерять отца».

В Туркестане Малышев пробыл больше года. К весне 1920 года были ликвидированы все белогвардейские фронты. Вспоминая потом свою туркестанскую жизнь, он писал: «Мы двигаемся на восток. Все свое торговое дело ставим на боевую ногу, ибо вокруг нас есть чем поживиться бандитам... Торгуя, мы одновременно должны были и воевать, и у горной пушки, и с шашкой в руках отстаивали свое право на новое строительство России. Превращая ее в действительно рабоче-крестьянское государство, в союзное объединение трудового народа всех наций».

Клавдия Павловна, как и везде, куда ее забрасывала судьба, работала врачом. В Туркуле она заведовала женским отделением местной больницы и одновременно детским приютом и не могла бросить все это в одночасье. К тому же тяжелая форма тропической малярии приковала ее к постели. Малышев не мог ждать выздоровления жены и вынужден был уехать в Москву один.

По приезде Сергей Васильевич снова начал готовиться к новой экспедиции на Волгу – подбирать людей, запастись товарами. Но эта экспедиция провалилась по не зависящим от организатора причинам – в частности, из-за страшной засухи, охватившей в то время Поволжье.

В стране началась новая экономическая политика. Возрождая в условиях НЭПа народное хозяйство, восстанавливая торговлю вместо распределения, советская власть обратилась к такой старой и проверенной форме коммерческих отношений, как ярмарка. Лениным был выдвинут лозунг «учитесь торговать», который как обухом ударил по голове большую часть представителей государственной власти и партийной элиты. Важно было наладить хозяйственно-торговые связи. Решено было возродить Ирбитскую ярмарку – традиционный центр торговли сибирской пушниной.

С. Малышев с энтузиазмом принялся за это дело и, став во главе ярмарочного комитета, отправляется за Урал. По многим причинам это предприятие потерпело крах. Один из членов ярмарочного комитета, председатель Центросоюза Л.М. Хинчук в резюме, направленном в Совнарком, написал: «Итоги ярмарки оказались настолько ничтожными, что приходится пожалеть о тех силах и средствах, которые на нее затрачены». Малышев согласился с этой оценкой. Хотя Ленин и признал деятельность Малышева и работу Ирбитской ярмарки в пределах поставленных задач успешной, но сам Сергей Васильевич всячески казнил себя за свою халатность и недальновидность, и главным в неуспехе ярмарки видел свою вину. Разумеется, часть вины, и немалая, лежит на Малышеве, но не ошибается тот, кто ничего не делает.

В брошюре, вышедшей через полтора года после этого события и обобщившей первый опыт советской ярмарочной торговли, Малышев писал: «...Ирбитская ярмарка была нашим первым шагом даже не в организации торговли, а только в подготовительной к этому работе. ...Для нас было важно поставить, в особенности среди массы сибирского населения, хотя бы одну торговую веху. И этой цели мы достигли».

Следующим этапом в истории советской торговли стала Нижегородская ярмарка. Назначенный в 1922 году Председателем ярмарочного комитета, девять лет провел Малышев на этом посту. Некоторые итоги этой работы отражены в его книгах – «Противникам Нижегородской ярмарки» (1925), «5-я Нижегородская ярмарка (1926) и других».

**Председатель Нижегородского ярмарочного комитета С.В. Малышев.
Фото М.П. Дмитриева**

Несмотря на увеличивавшийся с каждым годом доход ярмарки, все труднее было бороться с ее противниками. Рос лагерь недоброжелателей. В оппозицию к деятельности Ярмарочного комитета встала в 1925 году и руководящая верхушка Высшего Совета Народного Хозяйства. Началась активная антиярмарочная компания.

«Первое перо СССР» – Михаил Кольцов – в те годы писал: «Не может быть и речи о возвращении нашей торговли на заезженные рельсы капитализма... государство не может допустить анархии рыночного оборота, свободной игры цен... ничего зазорного нет в том, что соответствующие органы призовут кое-кого к порядку...».

Приход в ВСНХ Дзержинского обострил эту ситуацию, сыграла свою роль и его личная антипатия к Малышеву. Да, «хозяин ярмарки» находил в себе силы бороться за свое «любимое детище» с самим Дзержинским и его ведомством на Лубянке, которое к 1924 году взяло под контроль своего всевидящего ока все стороны деятельности Нижегородской ярмарки. Тогда еще Сергей Васильевич не чувствовал страха. Страх пришел позже.

1929 год был последним в истории Ярмарки. Время НЭПа кончилось. Под обстрел печати попал и сам Малышев как ярый защитник частной торговли. Он обвинялся в покровительстве «кулакам и нэпманам». Только человек недалекий, думающий лишь о своей личной выгоде, боявшийся потерять теплый уютный кабинет, совершенно не заботящийся о нуждах и пользе своей страны мог не видеть, что все более разрастающаяся антиярмарочная кампания наносит политический, а еще более экономический вред интересам Советского государства.

16 марта 1930 года Совет труда и обороны СССР принял постановление за подписью за председателя СТО В.В. Шмидта «Об упразднении Нижегородской и Бакинской ярмарок». Сделав тем самым несколько шагов назад, страна в конце 1920-х годов приступила к «победоносному» строительству социализма.

Возглавляя Ярмарочный комитет, Малышев в тоже время руководил Московской товарной биржей и Всесоюзной торговой палатой. Работал в Коллегии Наркомата торговли и комитете заготовок СНК СССР, в Центросоюзе. В октябре 1931 года по болезни он ушел на персональную пенсию. Здоровье его все больше ухудшалось: давали себя знать тюрьмы и ссылки, тяжелая жизнь революционера. Слишком активно он растрачивал свой жизненный потенциал. Его стали мучить приступы грудной жабы, но несмотря на болезнь, он не прекращал заниматься литературной работой: писал рассказы, воспоминания. Однако в то время он почти совсем не встречался с людьми. Как и многих мыслящих людей того времени, его постигло разочарование. Могучую натуру Малышева сломил страх. Впрочем, в этом он был не одинок. Сильные, честные, мужественные и бесстрашные люди замыкались в своих кабинетах, боялись смотреть друг другу в глаза, боялись протянуть руку помощи своему другу, соратнику, брату, зная, что творится вокруг них. Каждую ночь, каждую минуту они ждали, когда настанет их черед. В конце концов, сердце старого большевика не выдержало. В 1938 году С.В. Малышев умер от разрыва сердца. И здесь в последний раз, уже в его смертный час судьба являет к нему свою благосклонность: он умер сам, своей смертью, свободным, не испытывая физических пыток, скончался до встречи с теми, кто уже поднимался по лестнице с ордером на арест. Семью, за которую так боялся, спас своей смертью. Случись это уже там, в застенках, раскидало бы, в лучшем случае, его близких, горячо любимых людей, в разные стороны.

После тяжелой и продолжительной болезни – рака в январе 1950 года умерла Клавдия Павловна. Их дочь Нина Сергеевна Малышева, 1909 года рождения, в 1930 году окончила Первый медицинский институт, пошла по стопам матери и всю жизнь проработала врачом. В 1945 году с бригадой военных врачей была командирована в Австрию, где работала в качестве консультанта венеролога в лагере для репатриантов. Последним местом работы был институт врачебной косметики, где она заведовала физико-терапевтическим отделением. Перенесенные три инфаркта, потеря зрения из-за травмы вынудили ее в 1970 году оставить работу и уйти на пенсию по инвалидности. Как и ее мать, Нина Сергеевна была замечательным врачом, и как отец – равнодушным и живым человеком. Умерла в 1994 году.